

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Саврыга К.П.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ ПРОТИВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Право государства на использование силы в международном праве один из самых сложных и запутанных вопросов. Так, несмотря на то, что общий запрет на использование силы изложен в статье 2 (4) Устава ООН и имеет закрытый список исключений, в международном праве не утихают дебаты не только о пределах данных исключений и их толковании, но и о существовании иных, не изложенных в Уставе оснований, как например защита сограждан. Очевидно, что нормы об использовании силы в международном праве должны истолковываться исходя из тех вызовов, который в настоящее время стоят перед мировым сообществом для обеспечения их максимально эффективного и легитимного решения в рамках текущего мирового правопорядка. Так в настоящей статье рассмотрен вопрос о возможности экстерриториального использования силы против негосударственного актора. В рамках исследования автор рассматривает нормы о применении силы государствами в динамике, начиная со сформировавшейся послевоенной системы, которая достигла своего полного оформления в конце 20-го века, и затем рассматривая развитие института применения силы в 21-веке, который претерпел серьезное изменение после возникновения угрозы глобального терроризма и терактов 11 сентября. Автор приходит к вводу, о том, что несмотря на то, что до Второй мировой войны право на самооборону против негосударственного актора не было чем-то уникальным, после установления нового международного порядка на него было наложено табу. Однако в отличие от прошлого века, сегодняшнее международное право не препятствует использованию силы против негосударственного актора, находящегося за пределами территории государства-жертвы.

Ключевые слова: Экстерриториальное использование силы, самооборона, негосударственные акторы, использование силы, право на самооборону, право международной безопасности, международное право, борьба с терроризмом, терроризм, международный терроризм.

Abstract: Right of states to use force in international law is one of the most controversial and important question in public international law. Despite the general prohibition on use of force expressed in the Article 2 (4) of the UN Charter, there are many disputes about the actual scope of the prohibition and possible justification. It is obvious that the legal rules must adapt to the contemporary challenges faced by international community to provide convenient and legitimate solution which would not contradict the current international legal order. In this article the author considers the question of extraterritorial use of force against non-state actors. Analyzing legal norms and doctrinal position that has fully developed by the end of the XX century and their development after the events of September 11 and threat of global terror faced by international community, author comes to the conclusion that the current legal norms and legal doctrine recognize the right of states to use force extraterritorially against non-state actors.

Keywords: *War on terror, terrorism, extraterritorial use of force, self-defence in international law, non-state actors, use of force, right to self-defence, international security law, international law, international terrorism.*

Запрет на использование силы в международном праве является императивной нормой и «угловым камнем» современной системы международного права[1, p. 148][38, p. 153][7, p. 291]. Однако, несмотря на нерушимость общего запрета, процветают дискуссии о том, что же именно под него попадает и какой объем исключений является допустимым, так в свое время предметом дебатов был вопрос о том, какая форма насилия или принуждения и в каком качественном или количественном объеме подпадает под ограничение, а также возможно ли обхождение указанного запрета для принудительного исполнения решения Совета Безопасности ООН или международных трибуналов[59, p. 1].

Устав ООН устанавливает рамки, в пределах которых применение силы может являться потенциально допустимым, так статья 2(4) Устава обязывает государства члены «воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций», а статьи 42, 43 и 51 возможные исключения из указанного правила, так применение силы допустимо лишь в рамках коллективных мер безопасности и самооборону от вооруженного нападения. Несмотря на то, что указанный режим использования силы является достаточно строгим и некоторые государства явно не соблюдали его в отдельных случаях, в общем и целом, все практики применения силы конструируются таким образом, что бы не противоречить Уставу[64, p. 362].

Однако, необходимо отметить, что несмотря на то, что ограничение на использование силы является «угловым камнем» международного права, это совершенно не значит, что его содержание не менялось со временем. Так столкнувшись с новыми вызовами, государства предпочли не устанавливать новое правило использования силы, но скорее переосмыслить старое и дать ему новое толкование[8, p. 514].

Так одним из вызовом конца 20– начала 21 века стало усиление роли негосударственных акторов, будь то террористические или националистические организации. В настоящей работе, будет показан процесс развития правового регулирования использования силы против негосударственных акторов, который сегодня отличается от того, каким он было 20 лет назад.

Так в конце 80-х начале 90-х годов 20 века в международно-правовой доктрине господствовал ограничительный подход к применению силы, выраженный в трудах таких ученых как Кот и Пеллет[11], а также Симма[61] и Кассесе[8, p. 514] и который был поддержан Судом ООН в таких делах как Корфу[9] и Никарагуа[38, para. 62] и рядом резолюции Генассамблеи ООН[18-20, 22]. Данная точка зрения также была принята и у отечественных ученых[84, с. 119-125], который часто видели право на самооборону как способ обойти ограничения на применение силы[79, с. 121-127]. Хотя до учреждения ООН, право на экстерриториальное использование силы против негосударственных акторов было достаточно хорошо признано, так например о нем, как о чем-то само собой разумеющимся упоминается в деле Caroline[6], где британские войска атаковали

канадских повстанцев на территории США, в последствии данное дело часто цитировалось как одно из основных дел, создавших обычное право на самооборону[31, р. 157].

Указанный правовой режим также распространялся на применение силы не только против государств, но и против негосударственных акторов. Так в части, если обратиться к проблематике терроризма, то мы обнаружим, что международное сообщество, при выработке своего отношения к террористическим организациям решала вопрос об осуждении на индивидуальной основе, с учетом обстоятельств дела и причин террористической активности[83, р. 309]. Что по мнению Кляйна стало причиной, по которой страны не смогли выработать международно-правовой режим борьбы с терроризмом[83, р. 312]. И хотя ряд конвенции по отдельным вопросам терроризма были приняты, они в целом, рассматривали терроризм как уголовно-правовую проблему, которую необходимо решать без привлечения вооруженных сил[72, р. 23].

В дополнении к этому, к концу 80-х в академической среде сформировался консенсус, что ввиду особенности формирования запрета как общего правила, любой использование силы должно изначально рассматриваться как противоправное[82, с. 965] и бремя доказывания его законности лежит на государстве, применившем силу[34, р. 469] и таким образом, использование силы против негосударственного актора, который находится на территории иного государства будет являться противоправным[60, р. 213-214].

Данная интерпретация, как отмечается учеными, стала результатом компромисса между различными научными школами, так с одной стороны статья 2 (4) Устава понималась исключительно в военном смысле, т. е. исключались невоенные виды принуждения[70, р. 476][11, р. 120], с другой стороны запрет на использование именно военной

силы был тверд и абсолютен. Несмотря на то, что такая интерпретация находится в согласии с текстом статьи, она была подвергнута критике почти с самого раннего периода существования Устава государствами и учеными, которые рассматривали применение силы в иных целях, нежели нарушение территориальной целостности или политической независимости допустимым[3, р. 142][73, р. 13-14][22, р. 125-126]. Однако данные аргументы, хотя они иногда использовались государствами для экстерриториальных операций против негосударственных акторов[33, р. 42], сложно согласовывались с формулировкой статьи и travaux préparatoires, из которых очевидно, что запрещено любой применение силы, которое идет в разрез с целями Устава и упоминает территориальной целостности и политической независимости не имели под собой цели ограничить запрет, содержащейся в статье[27, р. 21-33]. Поэтому, указанная точка зрения не получила поддержку Суда в деле Корфу[9, р. 22] и с тех пор считается маргинальной. В деле Никарагуа, Суд приравнял указанное правило к обычному международному праву[38, пара. 108].

Здесь однако необходимо сделать оговорку, о том, что использование силы против негосударственного актора само по себе не является нарушением статьи, так она запрещает использование силы лишь в рамках международных отношений[70, р. 469], однако ввиду того, что как правило указанные акторы располагаются на территории другого государства, то использование силы против них в этом случае попадает под статью.

Изначально система коллективной безопасности виделась как основой способ применения силы в международном праве, на который государства смогли бы полагаться в том числе для борьбы с негосударственными акторами. Однако, политическая обстановка, которая суще-

ствовала в то время, привела к тому, что Совет безопасности не мог исполнять свои функции в полной мере. Так не один негосударственный актор не был признан угрозой и в его отношении не было применено никаких принудительных мер[27, р. 254-255][69, р. 141].

Однако помимо этого, существовала также иная проблема, а именно, может ли негосударственный актор представлять собой угрозу в смысле статьи 39 Устава? Так, несмотря на то, что в ряде резолюции Совбеза, а именно 217 и 221, угрозы миру обозначены достаточно широко, многие авторы не считали это нормативным установлением, предлагая более жесткую конструкцию, в соответствии с которой лишь угроза использования силы государством в смысле статьи 2(4) Устава могла квалифицироваться в качестве необходимой угрозы[2, р. 21][73, р. 13-14]. Т. е. в случае с негосударственными акторами, Совбез ООН мог среагировать лишь в том случае, если действия такого актора были атрибутированы государству, в иных случаях это находилось вне его компетенции. К тому же исходя из текста Устава было очевидно, что объектами санкций выступают именно государства, а не негосударственные акторы. Более того, некоторыми авторами считалось, что отсутствие так называемых «сил ООН» делало всю систему коллективной безопасности нерабочей[26, р. 398]. Хотя в общем в академической среде присутствовал консенсус о том, что статьи 43 и 42 могут иметь самостоятельное значение и не мешают использованию отдельным государством сил в соответствии с мандатом ООН[64, р. 374].

Так как, как уже было сказано выше, Совбез ООН был в нерабочем состоянии, то единственная возможность для применения силы, состояла в ее одностороннем применении. Единственное такое условие, содержащееся в Уставе – это самооборона.

Именно на ней государства основывали свои практики экстерриториальных операций против негосударственных акторов[27, р. 136-140], обосновывая это тем что они имеют право отвечать даже на такие нападения, которые были совершены негосударственными акторами. И хотя такие заявления в то время звучали часто, нельзя сказать, что бы они получали поддержку в международном сообществе, более того, можно даже сказать, что они почти единогласно отвергались[83, р. 375]. Так израильское вторжение на территорию Палестины в 1975 году было осуждено Совбезом ООН как акт агрессии[56]. Такую же негативную оценку получила и операция США против Ливии в 1986 году[21]. Такая же судьба постигала различные вторжения южно-африканских войск на территорию их соседей[53-55].

Хотя конечно нельзя отрицать, что такая реакция была обусловлена в том числе политическим разделением мира на два блока и состоянием Южной Африки как страны изгоя. Но указанные выше резолюции были основаны в том числе на теоретической базе, которая понимала право на самооборону достаточно узко.

Так право на самозащиту от негосударственных акторов хоть и признавалось, но лишь в случае если такая могла быть атрибутирована иному государству[5, р. 92]. Это правило возникло исходя из решения Суд по делу Никарагуа, где он разрешил вопрос о соотношении государства и негосударственных акторов в вооруженном конфликте, так для того, чтобы государство было ответственно за действия нерегулярных сил и государственных акторов, оно должно обладать эффективным контролем над ними, общая поддержка или снабжение были не достаточны[38, пара. 76].

Таким образом, исходя из вышеуказанной интерпретации право на самооборону

фактически было сведено к межгосударственному противостоянию, что однако в то время было конвенциональной интерпретацией *jus ad bellum*[35, p. 35].

Более того, в Никарагуа Суд определил, что право на самооборону возникает лишь в случае серьезных нарушений со стороны противной стороны, который опять же сложно установить. Однако некоторые авторы утверждают, что критерий порога вреда необходим лишь в случае если атака выполнена нерегулярными силами или негосударственными акторами по поручению государства[42, p. 724-725][63, p. 295]. Данная интерпретация была основана на грамматическом толковании статьи 2(4) и статьи 51 Устава, который используют разные слова: сила в случае статьи 2 и вооруженное нападение статье 51[39, p. 10]. По мнению ряда исследователей это подразумевало, что в ответ на нападение, которое не представляло собой вооруженного нападения, государство должно было применять иные контрмеры, так как в случае использования силы, оно бы нарушило статью 2(4) Устава[12, p. 54-56].

Указанный критерий является важным, так как атака, выполненная негосударственным актором скорее всего будет иметь меньшую интенсивность нежели полноценное межгосударственное противостояние[28, p. 406]. Чтобы обойти это ограничение ряд стран, в частности Израиль, начали применять доктрину кумулятивного вреда, однако она не получила поддержки в мировом сообществе в свое время[14, p. 230-231]. И в настоящий момент, хоть мы и можем фиксировать более доброжелательный подход к ней, в том числе в решениях Международного суда Cameroon-Nigeria, DRC-Uganda и Oil Platform, где суд упомянул, что «даже если считать кумулятивно, не являются достаточными для вооруженной атаки»[7, p. 64] тем самым признавая потенциальную легитимность такого теста.

Более того, считалось что право на самооборону функционально ограничено, так оно направлено исключительно на отражение атаки агрессора и самозащиту, и, несмотря на то, что превентивные меры часто обсуждались в академической литературе, они в любом случае должны были удовлетворять критерию неотвратимости угрозы[24, p. 368-369]. Таким образом, использование силы против негосударственного актора по правилам самообороны было едва ли возможным, особенно с учетом того акта, что доктрина кумулятивного вреда не получила широкого признания[3, p. 3].

В дополнение к этому необходимо отметить, что традиционное *jus ad bellum*, исходя из текста Устава ограничивала возможности для государств на применение силы лишь самообороной и мерами коллективной безопасности, что получило название «тезиса эксклюзивности» (*exclusivity thesis*). И хотя, глядя на современные правила применения силы, такие как спасение сограждан и гуманитарные интервенции, необходимо признать что наверняка существуют иные исключения в международном праве, которые как в случае со спасением сограждан могут носить обычный характер[16, p. 219], необходимо признать, что указанные выше практики все таки не являются однозначными и часто оправдываются исходя из положений статьи 51. И новые исключения, такие как доктрина «горячего преследования» не получали одобрения в международном сообществе[41, p. 11][62, p. 71].

Указанную функцию в принципе могла бы выполнить доктрина вооруженных репрессалий, но она не вписывалась в систему Устава и подвергалась осуждению при каждом удобном случае[64, p. 378][19]. Хотя конечно это очевидно, что в виду того, что основная цель подавляющего большинства атак против негосударственных акторов

именно возмездие, а не самооборона в ее классическом виде, механизм репрессалий наилучшим образом подходит для ее реализации. Но ввиду сложившейся системы международного права, государства были вынуждены прибегать к конструкции самообороны.

За пару десятилетий, который прошли с вышеописанного момента, нормативная база осталась той же, статьи 2(4) 42, 43 и 51 не изменились. Однако правовой режим использования силы претерпел существенные изменения, несмотря на то, что официально было признано, что Устав не нуждается ни в изменении, ни в новом толковании[29, р. 53]. Так система коллективной безопасности и роль Совбеза была пересмотрена ввиду крушения противостояния идеологических систем, что позволило ему вести себя более креативно. В это же время в академической среде пошли сомнения о разумности исключения почти всех видов одностороннего использования силы[61, р. 360].

В дополнении к этому, государства столкнулись с новыми вызовами от негосударственных акторов. В виду крушения блоковых систем, терроризм получил однозначное осуждение, независимо от того, каковы были его причины и идеологические мотивы[83, р. 319]. Так же остро встала проблема борьбы с пиратами. Ввиду этого борьба с рядом негосударственных акторов стала восприниматься как легитимное противостояние деструктивным элементам и оправдывало применение военной силы[40, р. 382-383].

Однако, несмотря на это, запрет на применение силы остался таким же нерушимым, каким он пребывал все предыдущее время несмотря на заявления ряда американских ученых о том, что система ООН устарела[25, р. 939] или возрождения точки зрения на ограничительное толкование статьи 2(4) Устава[65, р. 145].

Но в отличие от этого, как уже было сказано нами выше, система коллективной безопасности претерпела существенные изменения. Теперь использование силы против негосударственных акторов, даже без всякой их аффилированности с государствами было возможно с благословения Совбеза ООН. Что явилось следствием ряда причин: 1. Так Совбез принял наиболее либеральную интерпретацию своих полномочий исходя из главы 7 Устава[10, р. 205], что привело к тому, что тревога по поводу его недееспособности сменилась тревогой за его чрезмерное усиление[68, р. 797]. Так в частности статьи 42 и 43 были разделены, так теперь очевидно, что Совбез может уполномочить отдельную стану или коалицию стран на применение военных мер, которые в ином случае были бы незаконными. В дополнении к этому, в настоящее время никто уже не сомневается в том, что «угроза миру» может не иметь ничего общего с межгосударственными отношениями. Т. е. Совбез также разделил статьи 2(4) и 51 Устава. Т. е. самооборона против негосударственных акторов наконец-то стала возможна вне зависимости от их связи с государствами[64, р. 380].

2. Лидирующей роли, которую Совбез ООН взял на себя по борьбе с рядом негосударственных акторов, в частности террористическими организациями. Так он квалифицировал терроризм в целом[48][50], а также конкретные акты[46, 47, 49, 51] как угрозу миру. Что не оставляет сомнений, что Совбез может одобрить санкции и иные меры против террористических организаций.

Хотя необходимо отметить, что после провозглашения терроризма угрозой миру, дорога к санкциям, изложенным в статьях 41 и 42 Устава открыта, Совбез предпочитает использовать для борьбы с ним меры не военного характера. Так был учрежден контртеррористический комитет[45] и были приняты обязательные требования

по заморозке активов террористов[47, 52], криминализации актов терроризма[47], экстремизма[57, 58] и т. д.

Однако, вместе с этим, Совбез не одобрял использование военной силы в качестве санкции против терроризма[27, р. 227]. Причина этого – предмет спора, хотя некоторые авторы утверждают, что Совбез мог бы применять статью 42 для вторжения в Афганистан, если США попросили этого, вместо реализации права на самооборону[13, р. 449]. Однако все таки, наверное, необходимо признать, что причина этого, как и в случае с США лежит в политической плоскости, ибо даже прекращение блокового противостояния, которое повлекло огромное сотрудничество между постоянными членами Совбеза, не смогла изменить восприятие военных мер, как очень деликатного вопроса, который по возможности лучше обходить стороной.

Таким образом, необходимо признать, что потенциально Совбез ООН может одобрить меры военного характера в отношении негосударственных акторов и таким образом, оправдать экстерриториальное использование силы против них. Хотя на сегодняшний момент времени это остается лишь теоретической возможностью.

Однако еще большее развитие получили нормы, регулирующие одностороннее использование силы против негосударственных акторов. В отличие от предыдущего варианта, здесь у нас нет недостатка в государственной практике.

Так, после терактов 11 сентября 2001 года США в рамках реализации своего права на самооборону[17, р. 839] провели операции Enduring Freedom, которая продлилась на протяжении более 10 лет и вызывает ряд споров относительно того, не было ли превышено право на самооборону, хотя необходимо отметить, что все же само его существование не подвергается сомнению[27, р. 203].

Необходимо отметить, что это не было отдельным исключением [74, р. 139]. Государства по всему миру стали использовать военную силу против негосударственных акторов, виновных в террористических актах, в ряде случаев даже оккупируя часть территории соседних государств[77, р. 666]. Так Израиль в многократно использовал военную силу против негосударственных акторов из Палестины и Ливана[78, р. 99]. Его право на самооборону не подвергалось сомнению, оспаривалась лишь пропорциональности применения силы. Также поступали и турецкие вооруженные силы при борьбе с РПК, которая находилась на территории Ирака[44, р. 334].

Однако, если посмотреть на применение силы, которое не включает в себя вторжение на территорию государства и ее временную оккупацию, то практика государств становится еще обширнее.

Так в 1998 США подвергло бомбардировке ряд суданских фармацевтических комплексов в ответ на теракты против ее посольств в Кении и Танзании[36, р. 537].

С середины 90-х Иран многократно использовал 5 статью для оправдания использования силы против суннитских организаций на севере Ирака. Которые ни как не могли быть связаны с правительством Ирака[64, р. 381].

В 2007 году Российская Федерация использовала военную силу для атаки чеченских террористов, которые находились в Панкиском ущелье на территории Грузии. Правда здесь необходимо отметить, что указанное применение силы основывалось на несоблюдении Грузией резолюции Совбеза 1373[66]. Что опять поднимает вопрос о репрессалиях, который будет рассмотрен ниже.

С 2014 года коалиция во главе США проводит военную операцию Inherent Resolve против сил Исламского государства. Сфера военной активности выходит за пределы

территории Ирака, который дал согласие на применение силы на его территории и захватывает собой также Сирию, что оправдывается самообороной[67].

Все вышеуказанные случаи применения силы не были осуждены международным сообществом и более того, получали от него поддержку, хотя в разных случаях разной интенсивности.

Также Российская Федерация и Австралия имеют в своем законодательстве нормы позволяющие использовать военную силу экстерриториально[44, р. 334]. Пакт общей защиты Африканского союза характеризует защиту и предоставление убежища террористам как акт агрессии[76]. И в завершении всего доктрина национальной безопасности США позволяет использовать военную силу даже против не неотвратимых угроз от негосударственных акторов[75].

Исходя из вышесказанного, мы можем констатировать, что на сегодняшний день реализация права на самооборону возможна не только против государства, но и против негосударственного актора, независимо от того, может ли его поведение быть атрибутировано государству или нет. Т. е. концепция права на самооборону как исключительно межгосударственного института отошла в прошлое. И главным вопросом в деле самообороны становится вопрос о необходимости и пропорциональности применения силы, а не о наличии права на самооборону в чистом виде[64, р. 64]. При этом, использование силы против негосударственного актора, находящегося на территории третьего государства не является противоправным, так как является лишь следствием реализации законного права на самооборону[37, р. 42]. Схожее регулирование присутствует в международном праве в вопросах нейтралитета. Так государства ведущие военные действия могут атаковать находящиеся на территории нейтральных стран вражеские воинские фор-

мирования и объекты, которые участвуют в военных действиях, в случае если нейтральное государство не в состоянии предотвратить такую активность последних (ибо в ином случае это будет актом агрессии).

Однако, все же необходимо отметить, что указанное воззрение не является абсолютно принятым в академической среде[87, с. 58] [86, с. 40]. Так Международный суд в делах *Uganda* и *Wall Opinion* заявил, что «право на самооборону существует лишь между государствами»[31, para. 165] и, что для реализации права на самооборону от негосударственного актора необходимо произвести атрибуцию его действий государству[1, para. 147]. Однако, все же необходимо отметить, что суд оставил без внимания вопрос о том, может ли право на самооборону быть использованным против крупной атаки негосударственного актора[1, para. 147].

Данный подход явно противоречит сложившейся практике и политическим интересам государств[15, р. 57]. Ввиду этого в академической среде был предложен более свободный стандарт атрибуции действий негосударственного актора государству. Так предлагается, что государство с территории которого действует негосударственный актор или на территории которого он скрывается в данный момент обязано терпеть военные меры, которые предпринимает государство жертва для пресечения враждебной активности, в случае, если такое государство, с территории которого действует такой актор, не желает или не в состоянии самостоятельно пресечь его деятельность[32, р. 89][43, р. 289]. Так в частности, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН закреплено положение, которое обязывает государства воздержаться от организации и подстрекательства, а также

пресекать всякую враждебную деятельность против иных государств, которая может вестись на их территории [81, с. 153]. И хотя необходимо отметить достоинства нового теста, так как он с одной стороны учитывает фактически сложившуюся практику государств, а с другой ограничивает право государств на применение силы лишь теми случаями, когда государство, на территории которого находится негосударственный актор не может или не хочет прекратить его противоправную деятельность самостоятельно, все же необходимо отметить, что еще рано говорить о его повсеместном принятии. Более того, текущая практика государств скорее говорит об одобрении первого варианта, не связанного с атрибуцией.

Наконец, некоторые авторы, в частности Gray утверждают, что сама по себе суть вооруженных атак против негосударственных акторов представляет собой акт возмездия, а не самооборону [27, р. 119]. Она считает, что несмотря на тот факт, что государства не желая поднимать вопрос о правомерности вооруженных репрессалий против негосударственных акторов прибегают к оправданию использования силы через статью 51 Устава, это может отражать постепенное разложение системы ограничения использования силы, так как сформированные де-факто новые практики, подгоняются под формальные требования без учета духа норм. Таким образом, по ее мнению, заявление о самообороне в настоящее время превратились не более чем в «ритуальную магическую формулу» [27, р.

120], которая должна легализовать необходимое действия.

Также некоторыми отечественными авторами вообще отрицается возможность существования права на самооборону против негосударственных акторов, которая обоснована восприятием международного права как абсолютно государствоцентричной системы [85, с. 13] [80, с. 53]. Что приводит их к выводу о том, что реализация права на самооборону против не государственного актора, если его действия не могут быть атрибутированы государству невозможна, но и более того, что любое противостояние с такими актора должно проходить не в военной, а в правоохранительной парадигме [80, с. 57]. Однако, необходимо признать, что данная точка зрения на сегодняшний день является маргинальной и идет в разрез, в том числе, с практикой Российской Федерации.

Таким образом, мы можем заключить, что хотя современное международное право и не выработало на данный момент единого и общепризнанного подхода к использованию силы против негосударственных акторов, новый подход, независимо от того, будет ли он включать обязательность атрибуции или нет, фактически легитимизирует использование силы непосредственно против негосударственных акторов, нивелирует необходимость получения согласия на использования силы экстерриториально и неизбежно отходит от строгих стандартов, существовавших до начала 2000-х годов.

Библиография:

1. Armed Activities on the Territory of the Congo, Democratic Republic of the Congo v. Uganda (DRC–Uganda case) 19 December 2005, ICJ Rep 201
2. Arntz J. Der Begriff der Friedensbedrohung in Satzung und Praxis der Vereinten Nationen. Berlin. 1975. P. 198
3. Bowett D. Reprisals Involving Recourse to Armed Force // American Journal of International Law. 1972, vol. 66. pp. 1-36
4. Bowett D. Self-Defence in International Law. Manchester. 1958. p. 341

5. Bruha T. and Tams C. Self-Defence Against Terrorist Attacks. Considerations in the Light of the ICJ's Israeli Wall Opinion ' , in K. Dicke et al. (eds.), *Weltinnenrecht. Liber Amicorum Jost Delbrock*. Munchen. 2005. p. 587
6. Caroline case (USA v. United Kingdom), 1837, RIAA vol. xxviii. pp. 55-62
7. Case concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America) (Oil Platforms case), Judgment of 6 Nov. 2003, [2003] ICJ Rep 161, dissenting opinion of Judge Elaraby
8. Cassese A. Return to Westphalia? , in Cassese A. (ed.), *The Current Legal Regulation of the Use of Force*. Dordrecht. 1986. p. 700
9. Corfu Channel case (UK v. Albania) ICJ Rep. 1949
10. Cortright D. , Lopez G. The Sanctions Era: Themes and Trends in UN Security Council Sanctions since 1990, in Lowe V. et al. (eds), *The United Nations Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945*. Oxford. 2007. p. 205
11. Cot J. P. and Pellet A. (eds.), *La Charte des Nations Unies*. Paris. Economica. 1985. p. 237
12. Dahm H. Das Verbot der Gewaltanwendung nach Art. 2(4) der UNOCharta // *Jahrbuch fur Internationales Recht*. (1961 – 1962). vol. 10. p. 54-56
13. Delbruck J. The Fight Against Global Terrorism: Self-Defense or Collective Security as International Police Action? // *German Yearbook International Law*. 2001. vol. 44 p. 449
14. Dinstein Y. , *War, Aggression and Self-Defence*. Cambridge. P. 408
15. Finucane B. Fictitious States, Effective Control, and the Use of Force Against Non-State Actors // *Berkley Journal of International Law*. 2012. vol. 30, p. 35-93
16. Fleck D. Gill T. *The handbook of international law of military operation*. Oxford. 2011. P. 686
17. Franck T. Terrorism and the Right of Self-Defense // *American Journal of International Law*. 2001. vol. 95. p. 839
18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 2131 (XX)
19. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 2625 (XXV)
20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 3314 (XXIX)
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 41/38 (1986)
22. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 42/22 (1987).
23. Gazzini T. , *The Changing Rules on the Use of Force in International Law* . Juris. 2005. P. 266
24. Gill D. The Temporal Dimension of Self-Defence: Anticipation, Pre-Emption, Prevention and Immediacy // *Journal of Conflict & Security Law*. 2006. vol. 11, P. 361-369
25. Glennon M. How International Rules Die // *Georgia Law Journal*. 2005. vol. 93. P. 399
26. Goodrich L. and Simons A. *The United Nations and the Maintenance of International Peace and Security*. Washington: Brookings. 1955. P. 398
27. Gray C. *International Law and the Use of Force*. Oxford. 2010. P. 430
28. Guillaume G. *Terrorisme et droit international* // *Recueil des Cours* (1989-III). Vol. 215. P. 287-416
29. High-Level Panel Report, ' A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High-level Panel on Threats, Challenges and Change ' (UN Doc. A/59/565), Annex I (Recommendations)
30. ICJ, *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, A. O. ICJ Report 2004.
31. Jennings R. *The Caroline and McLeod Cases* // *American journal of international law*. 1938. vol. 82. P. 157
32. Kammerhofer J. *The Armed Activities Case and Non-State Actors in Self-Defence Law* // *Leiden Journal of International Law*. 2007. vol. 20, pp. 89-133
33. Kuhn M. *Terrorism and the Right of Self-Defence* // *South African Yearbook of International Law*. 1980, p. 42
34. Lachs M. *General Course on Public International Law* // *Recueil des Cours* (1980-IV), vol. 169. p. 229-342
35. ICJ, *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, 9 July 2004, [2004] ICJ Rep 131, Separate Opinion of Judge Kooijmans,
36. Lobel J. *The Use of Force to Respond to Terrorist Attacks: The Bombing of Sudan and Afghanistan* // *Yale Journal of International Law*. 1999. vol. 24. p. 537

37. Lubell N. Extraterritorial use of force against non-state actors. Oxford. 2010. P. 320
38. ICJ, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States) (Nicaragua case) [1986] ICJ Rep 14, separate opinion of President Singh
39. Murphy S. Protean Jus ad bellum in Giegerich T. and Zimmermann A. (eds), A Wiser Century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second. Hague Peace Conference. 2009. P. 1120
40. Neff S. War and the Law of Nations. Cambridge. 2005, p. 456
41. Poulantzas N. The Right of Hot Pursuit in International Law. Brill. 2002. p. 468
42. Raab D. Armed Attack after the Oil Platforms Case // Leiden Journal of International Law. 2004, vol. 17. p. 719-735
43. Ruys T. and Verhoeven S. Attacks by Private Actors and the Right of Self-Defence // Journal of Conflict & Security Law. 2005. Vol. 10. P. 314-417
44. Ruys T. Quo Vadit Jus ad Bellum? A Legal Analysis of Turkey's Military Operations against the PKK in Northern Iraq // Melbourne Journal of International Law. 2008. vol. 12. P. 334-364
45. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1267.
46. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1368
47. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1373
48. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1377;
49. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1438
50. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1456
51. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1530
52. Резолюция Совета Безопасности ООН. 1735
53. Резолюция Совета Безопасности ООН. 527 (1982),
54. Резолюция Совета Безопасности ООН. 546 (1984),
55. Резолюция Совета Безопасности ООН. 568 (1985).
56. Резолюция Совета Безопасности ООН. 573 (1985).
57. Резолюция Совета Безопасности ООН. 731
58. Резолюция Совета Безопасности ООН. 748
59. Schachter O. The Enforcement of International Judicial and Arbitral Decisions // American Journal of International Law, 1960, vol. 54, p. 1
60. Schachter O. The Lawful Use of Force by a State against Terrorists in another Country // Israeli Yearbook on Human Rights. 1989. vol. 19. p. 213-214
61. Simma B., Mossler H., Bernhardt R. (eds.), Die Charta der Vereinten Nationen. Munchen. 1991. P. 360
62. Singh W. The Right of Hot Pursuit on Land: an Inaccurate and Unfortunate Analogy from Law of Sea // Civil & Military Law Journal on Rule of Law, Military Jurisprudence and Legal Aid. 2006. vol. 42. P. 71
63. Taft P. Self-Defense and the Oil Platforms Decision // Yale Journal of International Law. 2004. vol. 29. P. 295
64. Tams C. Use of Force against Terrorists // European Journal of International Law. 2009, №2. P. 359-397
65. Travaglio G. Terrorism, International Law, and the Use of Military Force // Wisconsin International Law Journal. 2000. vol. 18. P. 145-191
66. UN Doc. S/2002/1012
67. US Department of Defence. Operation Inherent Resolve: General Overview.
68. van Herik L. The Security Council's Targeted Sanctions Regimes: in Need of Better Protection of the Individual // Leiden Journal of International Law. 2007. vol. 20. P. 797-807
69. van Krieken P., Terrorism and the International Legal Order. Asser. 2002. P. 141
70. Verdross A. and B. Simma, Universelles Volkerrecht. Berlin. 1984. P. 469
71. ICJ, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States) (Nicaragua case) [1986] ICJ Rep 14
72. Walter C., Voneky S., Roben V. (eds), Terrorism as a Challenge for National and International Law: Security versus Freedom?. Springer. 2004. P. 1479

73. Wengler W. Das völkerrechtliche Gewaltverbot. Probleme und Tendenzen. Springer. 1967. P. 13-14
74. Wettberg G. , The International Legality of Self-Defence against Non-State Actors . 2007. P. 139
75. White House, The National Security Strategy of the United States of America .; www.whitehouse.gov/nsc/nss. pdf
76. www.africa-union.org/root/AU/Documents/Treaties/text/Non%20Aggression%20Common%20Defence%20Pact. pdf.
77. Yihdego Z. Ethiopia's Military Action Against the Union of Islamic Courts and Others in Somalia: Some Legal Implications // International and Comparatively Law Quarterly. 2007. vol. 56. P. 666-676
78. Zimmermann A. The Second Lebanon War: Jus ad bellum, jus in bello and the Issue of Proportionality // Max Planck Yearbook of UN Law. 2007. vol. 11. P. 112-115
79. Бегинян К. А. Вооруженная агрессия под предлогом самообороны // Советское государство и право. 1959, №1. С. 121-127
80. Варфоломеев А. А. К вопросу о самообороне от негосударственных субъектов // Московский журнал международного права. 2012. №4, С. 44-58
81. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. 2625, Annex, 25 UN GAOR, Supp. (n. 28), UN Doc. A5217,
82. Егоров С. А. Международное право. М. 2013. С. 1087
83. Klein P. Le droit international a l ' epreuve du terrorisme // Recueil des Cours (2006), vol. 203, P. 203-484
84. Скакунов Э. И. Самооборона в международном праве. М. 1973. С. 176
85. Скотников Л. А. Право на самооборону и новые императивы безопасности // Международная жизнь. № 9. 2004. С. 3-15
86. Степанченко А. А. Международно-правовые аспекты применения силы в порядке самообороны против террористических организаций, находящихся на территории иностранных государств Алтайский юридический вестник. 2014. №2. С. 38-41
87. Туманов Г. К. Правомерность обращения к праву на самооборону в отношении негосударственных акторов в рамках международного права Право и безопасность. 2012. №2. С. 83-85

References (transliterated):

1. Arntz J. Der Begriff der Friedensbedrohung in Satzung und Praxis der Vereinten Nationen. Berlin. 1975. P. 198
2. Bowett D. Reprisals Involving Recourse to Armed Force // American Journal of International Law. 1972, vol. 66. pp. 1-36
3. Bowett D. Self-Defence in International Law . Manchester. 1958. p. 341
4. Bruha T. and Tams C. Self-Defence Against Terrorist Attacks. Considerations in the Light of the ICJ's Israeli Wall Opinion ' , in K. Dicke et al. (eds.), Weltinnenrecht. Liber Amicorum Jost Delbrock. Munchen. 2005. p. 587
5. Cassese A. Return to Westphalia? , in Cassese A. (ed.), The Current Legal Regulation of the Use of Force. Dordrecht. 1986. p. 700
6. Cortright D., Lopez G. The Sanctions Era: Themes and Trends in UN Security Council Sanctions since 1990 , in Lowe V. et al. (eds), The United Nations Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945. Oxford. 2007. p. 205
7. Cot J. P. and Pellet A. (eds.), La Charte des Nations Unies. Paris. Economica. 1985. p. 237
8. Dahm H. Das Verbot der Gewaltanwendung nach Art. 2(4) der UNOCharta // Jahrbuch fur Internationales Recht. (1961 – 1962). vol. 10. p. 54-56
9. Delbruck J. The Fight Against Global Terrorism: Self-Defense or Collective Security as International Police Action? // German Yearbook International Law. 2001. vol. 44 p. 449
10. Dinstein Y. , War, Aggression and Self-Defence. Cambridge. P. 408

11. Finucane B. Fictitious States, Effective Control, and the Use of Force Against Non-State Actors // *Berkley Journal of International Law*. 2012. vol. 30, p. 35-93
12. Fleck D. Gill T. *The handbook of international law of military operation*. Oxford. 2011. P. 686
13. Franck T. Terrorism and the Right of Self-Defense // *American Journal of International Law*. 2001. vol. 95. p. 839
14. Gazzini T. , *The Changing Rules on the Use of Force in International Law* . Juris. 2005. P. 266
15. Gill D. The Temporal Dimension of Self-Defence: Anticipation, Pre-Emption, Prevention and Immediacy // *Journal of Conflict & Security Law*. 2006. vol. 11, P. 361-369
16. Glennon M. How International Rules Die // *Georgia Law Journal*. 2005. vol. 93. P. 399
17. Goodrich L. and Simons A. *The United Nations and the Maintenance of International Peace and Security*. Washington: Brookings. 1955. P. 398
18. Gray C. *International Law and the Use of Force*. Oxford. 2010. P. 430
19. Guillaume G. *Terrorisme et droit international* // *Recueil des Cours (1989-III)*. Vol. 215. P. 287-416
20. Jennings R. *The Caroline and McLeod Cases* // *American journal of international law*. 1938. vol. 82. P. 157
21. Kammerhofer J. *The Armed Activities Case and Non-State Actors in Self-Defence Law* // *Leiden Journal of International Law*. 2007. vol. 20, pp. 89-133
22. Kuhn M. *Terrorism and the Right of Self-Defence* // *South African Yearbook of International Law*. 1980, p. 42
23. Lachs M. *General Course on Public International Law* // *Recueil des Cours (1980-IV)*, vol. 169. p. 229-342
24. Lobel J. *The Use of Force to Respond to Terrorist Attacks: The Bombing of Sudan and Afghanistan* // *Yale Journal of International Law*. 1999. vol. 24. p. 537
25. Lubell N. *Extraterritorial use of force against non-state actors*. Oxford. 2010. P. 320
26. Murphy S. *Protean Jus ad bellum in Giegerich T. and Zimmermann A. (eds), A Wiser Century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second. Hague Peace Conference*. 2009. P. 1120
27. Neff S. *War and the Law of Nations*. Cambridge. 2005, p. 456
28. Poulantzas N. *The Right of Hot Pursuit in International Law*. Brill. 2002. p. 468
29. Raab D. *Armed Attack after the Oil Platforms Case* // *Leiden Journal of International Law*. 2004, vol. 17. p. 719-735
30. Ruys T. and Verhoeven S. *Attacks by Private Actors and the Right of Self-Defence* // *Journal of Conflict & Security Law*. 2005. Vol. 10. P. 314-417
31. Ruys T. *Quo Vadit Jus ad Bellum? A Legal Analysis of Turkey's Military Operations against the PKK in Northern Iraq* // *Melbourne Journal of International Law*. 2008. vol. 12. P. 334-364
32. Schachter O. *The Enforcement of International Judicial and Arbitral Decisions* // *American Journal of International Law*, 1960, vol. 54, p. 1
33. Schachter O. *The Lawful Use of Force by a State against Terrorists in another Country* // *Israeli Yearbook on Human Rights*. 1989. vol. 19. p. 213-214
34. Simma B. , Mossler H. , Bernhardt R. (eds.), *Die Charta der Vereinten Nationen* . Munchen. 1991. P. 360
35. Singh W. *The Right of Hot Pursuit on Land : an Inaccurate and Unfortunate Analogy from Law of Sea* // *Civil & Military Law Journal on Rule of Law, Military Jurisprudence and Legal Aid*. 2006. vol. 42. P. 71
36. Taft P. *Self-Defense and the Oil Platforms Decision* // *Yale Journal of International Law*. 2004. vol. 29. P. 295
37. Tams C. *Use of Force against Terrorists*// *European Journal of International law*. 2009, №2. P. 359-397
38. Travalio G. *Terrorism, International Law, and the Use of Military Force* // *Wisconsin International Law Journal*. 2000. vol. 18. P. 145-191
39. van Herik L. *The Security Council's Targeted Sanctions Regimes: in Need of Better Protection of the Individual* // *Leiden Journal of International Law*. 2007. vol. 20. P. 797-807
40. van Krieken P. , *Terrorism and the International Legal Order*. Asser. 2002. P. 141

-
41. Verdross A. and B. Simma, *Universelles Volkerrecht*. Berlin. 1984. P. 469
 42. Walter C. , Voneky S. , Roben V. (eds), *Terrorism as a Challenge for National and International Law: Security versus Freedom?*. Springer. 2004. P. 1479
 43. Wengler W. *Das vtslkerrechtliche Gewaltverbot. Probleme und Tendenzen*. Springer . 1967. P. 13-14
 44. Wettberg G. , *The International Legality of Self-Defence against Non-State Actors*. 2007. P. 139
 45. Yihdego Z. *Ethiopia's Military Action Against the Union of Islamic Courts and Others in Somalia: Some Legal Implications* // *International and Comparatively Law Quarterly*. 2007. vol. 56. P. 666-676
 46. Zimmermann A. *The Second Lebanon War: Jus ad bellum, jus in bello and the Issue of Proportionality* // *Max Planck Yearbook of UN Law*. 2007. vol. 11. P. 112-115
 47. Beginyan K. A. *Vooruzhennaya agressiya pod predlogom samooborony* // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1959, №1. С. 121-127
 48. Varfolomeev A. A. *K voprosu o samooborone ot negosudarstvennykh sub'ektov* // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2012. №4,С. 44-58
 49. Egorov S. A. *Mezhdunarodnoe pravo*. M. 2013. С. 1087
 50. Klein P. *Le droit international a l ' epreuve du terrorisme* // *Recueil des Cours* (2006), vol. 203, P. 203-484
 51. Skakunov E. I. *Samooborona v mezhdunarodnom prave*. M. 1973. С. 176
 52. Skotnikov L. A. *Pravo na samooboronu i novye imperativy bez-opasnosti* // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. № 9. 2004. С. 3-15
 53. Stepanchenko A. A. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty primeneniya sily v poryadke samooborony protiv terroristicheskikh organizatsii, nakhodyashchikhsya na territorii inostrannykh gosudarstv* *Altaiskii yuridicheskii vekstnik*. 2014. №2. С. 38-41
 54. Tumanov G. K. *Pravomernost' obrashcheniya k pravu na samooboronu v otnoshenii negosudarstvennykh aktorov v ramkakh mezhdunarodnogo prava* *Pravo i bezopasnost'*. 2012. №2. С. 83-85